

ЧЕМБЕРЛЕН И МЮНХЕН

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Академик И. М. Майский

Хотя прошло уже больше двух десятилетий со времени Мюнхена, эта страница позора и глупости западной дипломатии не забыта широкими кругами мировой демократии. Она не забыта поэтому также политиками и историками капиталистического мира, прилагающими большие усилия к тому, чтобы если не реабилитировать ее «героев», то по крайней мере найти смягчающие их вину обстоятельства. В этих попытках апологеты Чемберлена и Даладье часто извращают истину и нагромождают всевозможные домыслы и небылицы в целях обеления английских, французских и американских деятелей, которые помогли Гитлеру развязать вторую мировую войну.

В такой обстановке мне казалось совсем не бесполезным поделиться с читателями своими воспоминаниями о тех днях, ибо как послу СССР в Англии в 1932—1943 гг. мне пришлось близко сталкиваться с людьми и событиями предвоенной (а затем и военной) эпохи. Данное обстоятельство позволяет мне рассказать действительную правду о корнях Мюнхена и тем самым содействовать разоблачению фальшивых легенд, созданных и создаваемых о Мюнхене буржуазной историографией.

На последующих страницах читатель найдет несколько глав из моей книжки воспоминаний «Кто помогал Гитлеру?». В ближайшем будущем вся книжка в целом будет выпущена издательством Института международных отношений.

НА ПУТЯХ К МЮНХЕНУ

28 мая 1937 г. премьер Болдуин ушел на покой, и вместо него главой британского правительства стал Невиль Чемберлен. Новый премьер был, несомненно, самой зловещей фигурой на тогдашнем политическом горизонте Англии. Зловещей по глубоко органической реакционности своих воззрений, зловещей по тому влиянию, которым он пользовался в консервативной партии. Тот факт, что Невиль Чемберлен был человеком ограниченных взглядов и малых способностей, что его политический кругозор, по выражению Ллойд-Джорджа, не возвышался над кругозором «провинциального фабриканта железных кроватей», только усугублял опасность от его пребывания у власти. Отец Невилля, знаменитый Джозеф Чемберлен, считал этого своего сына (в отличие от другого сына, Остина) непригодным для политики и с молодости готовил его к торговой деятельности. Однако и на коммерческом поприще Невиль не стяжал особых лавров. Тогда его двинули по «муниципальной линии». Здесь, пройдя ряд промежуточных ступеней, он стал в конце концов мэром Бирмингама. В 1917 г. как консерватор знатного происхождения Невиль Чемберлен получил пост министра рекрутирования армии в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа, но позорно провалился и был изгнан премьером из правительства. И вот теперь этот самый Невиль Чемберлен стал главой британского кабинета, да еще в такой сложной

и трудной мировой обстановке! Поневоле в голову приходила мысль: «Вот до какого глубокого разложения докатился английский господствующий класс!».

Для меня, как для посла Советского Союза, приход к власти Невилля Чемберлена имел еще совсем особенное значение. Я не забыл своего первого разговора с ним, происходившего в ноябре 1932 г., когда он сказал мне прямо в лоб, что считает СССР врагом Великобритании. Последующие пять лет полностью подтвердили на многочисленных фактах и примерах, что Невиль Чемберлен является последовательным противником нашей страны. Такой премьер мог только обострить англо-советские отношения. Такой премьер именно из-за своей вражды к Советскому государству мог только усугубить политику «умиротворения» агрессоров, которым грешило и предшествующее правительство Болдуина. Ничего хорошего нам от него ждать не приходилось!

Как ни мрачны были мои чувства, я решил все-таки повидаться с новым премьером и прощупать его настроения. Он принял меня в своем парламентском кабинете 29 июля. На этот раз Чемберлен был спокойнее и сдержаннее, чем тогда, во время нашей первой встречи, пять лет назад. Я спросил его об общих линиях той политики, которую намеревается проводить британское правительство в области международных отношений. Чемберлен долго и старательно объяснял мне, что основной проблемой момента, по его мнению, является Германия. Надо прежде всего урегулировать этот вопрос, а тогда все остальное уже не представит особых трудностей. Но как урегулировать германскую проблему? Премьеру это казалось вполне возможным, если применить правильный метод урегулирования. «Если бы мы могли,— говорил он,— сесть с немцами за один стол и с карандашом в руках пройтись по всем их жалобам и претензиям, то это сильно прояснило бы отношения».

Итак, все дело было лишь в том, чтобы сесть за один стол с карандашом в руках! Как просто! Мне невольно вспомнились слова Ллойд-Джорджа: «Провинциальный фабрикант железных кроватей». Действительно, Гитлера и себя он, видимо, представлял как двух купцов, которые поспорят, пошумят, поторгуются и затем в конце концов ударят по рукам. Вот как примитивны были политические понятия нового премьера!

Из всего, что Чемберлен сказал мне 29 июля, с несомненностью вытекало, что целью его стремлений является «пакт четырех», а путь к нему — всемерное «умиротворение» Гитлера и Муссолини.

Этот пессимистический прогноз становился еще более вероятным благодаря тому, что как раз к этому времени в Лондоне окончательно сложилась так называемая «кливденская клика», сыгравшая столь зловещную роль в годы, предшествовавшие второй мировой войне. Леди Ненси Астор, та самая леди Ненси Астор, которая в 1932—1933 гг. кокетничала своей «дружбой» с Советской страной, в течение последующих лет обнаружила свое настоящее лицо и в конце концов стала «хозяйкой» политического салона, в котором собирались самые махровые представители консервативной партии. Обычно по week end¹ в ее роскошном имении Кливден, под Лондоном, где она пыталась имитировать Версаль, встречались такие люди, как Невиль Чемберлен, лорд Галифакс, Самуэль Хор, Кингсли Вуд и др. Здесь они пили, ели, развлекались, обменивались мнениями и намечали планы ближайших действий. Нередко между двумя партиями гольфа тут решались важнейшие государственные вопросы. Чем ближе надвигалась война, тем активнее становился Кливден. Салон леди Астор превратился в главную цитадель врагов Советского Союза и друзей англо-германского сближения. Отсюда шла наиболее энергичная пропаганда концепции «западной безопасно-

¹ «Конец недели», то есть суббота с часу дня и воскресенье.

сти», то есть натравливания гитлеровской Германии на СССР; здесь с особым сладострастием смаковались картины советско-германского взаимоистребления, на осуществление которого поставили ставку завсегдатаи Кливдена. Салон леди Астор имел сильнейшее влияние на назначение министров, на формирование правительств и на определение политической линии этих правительств. Приход к власти Невилля Чемберлена знаменовал собой такое всемогущество «кливденской клики», которое могло вызвать в советских кругах лишь самые тревожные опасения. Впрочем, ждать пришлось недолго.

Основной целью Чемберлена являлось «умиротворение» фашистских диктаторов в расчете на установление «западной безопасности». Это был, конечно, как выражался Черчилль, «идиотизм», но классовая ненависть к государству социализма была в Чемберлене (да и не только в Чемберлене) столь велика, что она совершенно помрачала в нем нормальный рассудок. Черчилль в своих военных мемуарах, говоря о Чемберлене и его отношении к Гитлеру, иронически замечает: «Он вдохновлялся надеждой умиротворить и реформировать его, а потом привести к полному смирению»². Здесь Черчилль соблюдает приличные литературные манеры. В частных разговорах он выражался гораздо крепче. Помню, однажды он мне сказал: «Невилль — дурак... Он думает, что можно ехать верхом на тигре».

К сожалению, Чемберлен именно так и думал и потому стал последовательным апостолом «политики умиротворения» агрессоров. Чтобы проводить такую политику на практике, ему нужен был созвучный этой идее состав правительства и прежде всего «подходящий» министр иностранных дел. Иден, министр иностранных дел в кабинете Болдуина, для данной цели не годился, тем более что он был крайне непопулярен в Риме и Берлине. Избранником Чемберлена на этот ключевой пост стал лорд Галифакс. Однако, учитывая тогдашние общественные настроения в Англии, премьер не решился сразу расстаться с Иденом. Надо было предварительно подготовить почву, а лучше всего заставить Идена самого подать в отставку. Поэтому Чемберлен «пока» назначил лорда Галифакса на почетный, но чисто декоративный пост заместителя премьера, то есть министра без портфеля, которому от времени до времени даются специальные поручения. И, как увидим ниже, самое важное, специальное поручение, которое получил Галифакс, носило как раз внешнеполитический характер.

Первым характерным шагом Чемберлена в области «умиротворения» диктаторов была посылка дружественного письма Муссолини, на которое Муссолини, конечно, не замедлил ответить таким же дружественным письмом. Затем Чемберлен энергично повел с ним переговоры, добиваясь заключения широкого договора о дружбе и сотрудничестве между Англией и Италией. Иден и некоторые другие видные политические деятели были в оппозиции к этим переговорам. Совсем не потому, что они сочувствовали Испанской республике, которая в это время вела героическую борьбу против интервенции Италии и Германии, нет, нет! Ни Иден, ни большинство его единомышленников не питали к Испанской республике никаких симпатий. Однако они знали о вероломстве фашистских диктаторов, плохо верили в их обещания, а потому требовали, чтобы в качестве доказательства серьезности своих намерений Муссолини предварительно вывел из Испании свои войска, сражавшиеся на стороне Франко. Однако Чемберлен не хотел ничего слушать и упрямо вел свою линию на скорейшее подписание англо-итальянского договора. На этой почве между Чемберленом и Иденом произошел конфликт (возможно, искусственно раздувавшийся премьером), в результате которого 20 февраля 1938 г. Иден вышел в отставку. Вместе с Иденом подал в отставку

² W. Churchill. Second World War. Vol. I. 5-th edition. 1955, p. 322.

его парламентский заместитель лорд Кренборн, в те годы также противник Кливдена. Незадолго перед этим, 1 января 1938 г., постоянный товарищ министра иностранных дел Ванситарт, тоже противник Кливдена, был отстранен от активного участия в делах министерства иностранных дел и назначен на почетную, но малооперативную должность «главного дипломатического советника британского правительства». Сообщая мне о своем новом звании, Ванситарт с невеселой усмешкой заметил: «Главный дипломатический советник... Но ведь с ним можно и не советоваться... Все зависит от желания премьеры...».

Ванситарт хорошо предвосхитил свое будущее: Чемберлен действительно не обращался к нему за советами.

Теперь в качестве подлинного и все более могущественного советника премьеры по внешнеполитическим делам стал быстро выдвигаться сэр Хорас Вилсон. Я хорошо его знал по временам торговых переговоров с Англией (1932—1934 гг.). Тогда Хорас Вилсон, в звании «главного индустриального советника британского правительства», являлся основной фигурой с английской стороны при подготовке временного торгового соглашения 1934 года. Это был хитрый ловкач, циник до мозга костей, считавший, что мир состоит из дураков и негодяев. Вилсон был хорошо подкован во всех делах торговли и промышленности, но его внешнеполитический горизонт не возвышался над уровнем среднего обывателя. И вот теперь Чемберлен привлек такого человека в качестве своего наиболее доверенного эксперта к решению важнейших международных проблем! Это было похоже на безумие... Но разве вся внешняя политика Чемберлена не являлась сплошным безумием, выросшим на дрожжах классового ненависти, ограниченности и невежества?!

Очистив ведомство иностранных дел от неудобных для него людей, Чемберлен назначил теперь министром иностранных дел лорда Галифакса. Это был родовитый английский аристократ, прошедший длинную политическую и административную карьеру вплоть до поста вице-короля Индии. Высокий, худощавый, медлительный, с черной перчаткой на поврежденной левой руке, Галифакс говорил спокойно, глуховатым голосом, все время сохраняя приятную улыбку на лице. Внешне он располагал к себе и производил впечатление глубокого человека или, во всяком случае, человека, интересующегося большими проблемами. Склад ума у Галифакса был философский, но философия, которая была близка его духу, была религиозно-мистической философией. Он принадлежал к так называемой «высокой церкви», то есть тому течению англиканства, которое мало чем отличается от католицизма, и любил вести разговоры на морально-религиозные темы. Рассказывали, что когда Галифакс был вице-королем Индии, позади его служебного кабинета находилась небольшая часовня. Перед какими-либо серьезными встречами или обсуждениями он на несколько минут удалялся туда и просил господ бога просветить его разум. Галифакс, несомненно, обладал широким образованием, что, однако, не мешало ему — примеры этого мы увидим ниже — часто обнаруживать полное непонимание современной эпохи и ее движущих сил. Но тут уж сказывалась ограниченность его классового мировоззрения.

В качестве члена правительства Чемберлена Галифакс всецело поддерживал политику «умиротворения» и являлся одним из столпов «кливденской клики». По характеру Галифакс был покладистый человек и легко мирился с тем, что премьер (вкуче с Хорасом Вилсоном) узурпировал в своих руках внешнюю политику Великобритании и низвел министерство иностранных дел до положения простой дипломатической канцелярии при своей особе. Во избежание каких-либо осложнений важный пост постоянного товарища министра иностранных дел после Ванситарта был отдан Александру Кадогану, от которого нельзя было ожидать каких-либо неожиданных сюрпризов.

Обеспечив себе таким образом скромный и послушный аппарат, Чемберлен теперь всерьез приступил к осуществлению своей «собственной» внешней политики.

Началось с Германии. Еще в конце ноября 1937 г. Галифакс получил от Чемберлена поручение совершить паломничество в Берлин и вступить с Гитлером в переговоры об общем урегулировании англо-германских отношений. Тогда мы еще не знали всех подробностей этих переговоров, но общий смысл их был для нас ясен, а сверх того кое-что из происходившего в Берлине успело просочиться в политические круги Англии и стало нам известно. В результате недоверие к правительству Чемберлена у нас сильно возросло. Сейчас из материалов германского министерства иностранных дел, захваченных Советской Армией в Берлине, видно, что для нашего недоверия были более чем достаточные основания.

В самом деле, из записи беседы Гитлера и Галифакса 19 ноября 1937 г., опубликованной МИД СССР в 1948 г., совершенно ясно, что Галифакс от имени британского правительства предлагал Гитлеру своего рода альянс на базе «пакта четырех» и предоставления ему «свободы рук» в Центральной и Восточной Европе. В частности, Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе, и далее уточнил, что «к этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия». Конечно, указывая Гитлеру направления агрессии, которые ветрители бы наименьшее сопротивление со стороны правительства Чемберлена, Галифакс считал необходимым сделать благочестивую оговорку. «Англия заинтересована лишь в том,— сказал он,— чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны»³.

Однако Гитлер хорошо понимал цену этой оговорки и потому мог рассматривать свою беседу с Галифаксом как благословение Лондона на насильственный захват «жизненного пространства» в указанных районах. А когда Иден вышел в отставку и британским министром иностранных дел стал Галифакс, Гитлер не без основания решил, что настал момент для реализации программы агрессии, намеченной во время беседы между ними в ноябре 1937 года. Он не стал терять времени и 12 марта 1938 г., через три недели после ухода Идена и через 12 дней после назначения на его пост Галифакса, сделал первый крупный «прыжок»: молниеносным ударом захватил Австрию. Точно издеваясь над лондонскими «умиротворителями», фюрер приурочил свой захват как раз к тому дню, когда Чемберлен торжественно принимал у себя приехавшего в Англию германского министра иностранных дел Риббентропа. И что же? Англия и Франция реагировали на столь вопиющий акт агрессии лишь словесными протестами, которые ни они сами, ни тем более Гитлер не принимали всерьез.

Как ни велико и ни законно было после всего происшедшего недоверие Советского правительства к правительству Чемберлена, все-таки в этот критический момент правительство СССР сделало попытку апеллировать к здравому смыслу руководителей Великобритании. 17 марта 1938 г., через пять дней после захвата Австрии, нарком иностранных дел М. М. Литвинов от имени Советского правительства дал в Москве интервью представителям печати, в котором он, между прочим, сказал: «Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках, или на окраине Европы... то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не

³ «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. I. М. 1948, стр. 17, 23, 35—36.

только для отныне граничащих с агрессором 11-ти стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских... В первую очередь возникает угроза Чехословакии...

Нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами и в особенности великими державами вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы. В сознании Советским правительством его доли этой ответственности, в сознании им также обязательств, вытекающих для него из устава Лиги, из пакта Бриана-Келлога и из договоров о взаимной помощи, заключенных им с Францией и Чехословакией, я могу от его имени заявить, что оно со своей стороны по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами»⁴.

Одновременно я получил из Москвы указание передать текст интервью М. М. Литвинова британскому правительству с сопроводительной нотой о том, что данное интервью является официальным выражением точки зрения Советского правительства. Я это сделал. То же самое по инструкции из Москвы сделали советские послы в Париже и Вашингтоне. Таким образом, СССР открыто заявил о своей готовности принять энергичные меры против агрессии и призвал к тому же Англию, Францию и США. Советский Союз исполнил свой долг... Ну, а его партнеры?

24 марта английское министерство иностранных дел прислало мне длинную ноту, подписанную Галифаксом. В ней говорилось, что британское правительство «тепло приветствовало бы созыв международной конференции в составе всех европейских держав» (то есть агрессоров и неагрессоров.— И. М.), но возражает против созыва «конференции, на которой присутствовали бы только некоторые европейские державы и которая имела бы задачей... организовать объединенную акцию против агрессии», ибо, по мнению британского правительства, подобная конференция не способствовала бы делу европейского мира⁵.

Итак, вместо борьбы с агрессорами бесцельные разговоры с агрессорами! Еще один «Комитет по невмешательству», но уже не по испанским, а по общеевропейским делам! Иными словами, успокоительные пилюли для широких масс с тем, чтобы дать агрессорам время подготовиться к новым «прыжкам». Вот чего хотело британское правительство! Вот как оно на практике расшифровывало слова Галифакса о желательности изменений в европейском положении «путем мирной эволюции»!

Отклик на советское обращение в Париже и Вашингтоне был не лучше, чем в Лондоне.

Казалось бы, захват Австрии должен был хоть немного образумить Чемберлена и сделать его более осторожным в сношениях с фашистскими диктаторами,— куда там! Ослепленный ненавистью к Советскому Союзу, Чемберлен ничего не хотел видеть. Он упрямо продолжал свою губительную — губительную для самой Англии — политику и 16 апреля подписал столь страстно взыскуемый им договор о дружбе и сотрудничестве с Италией. Этот договор, между прочим, включал признание британским правительством захвата Италией Эфиопии. Желая, однако, несколько успокоить демократические массы Англии, считавшие заключение англо-итальянского договора в такой момент предательством

⁴ «Известия», 18 марта 1938 года.

⁵ «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939» (в дальнейшем «DBFP»). Third series. Vol. I. London, p. 101.

Испанской республики, Чемберлен сделал одну важную оговорку: он обязался ратифицировать договор только после того, как Италия эвакуирует из Испании свои войска в соответствии с планом, который тогда выработывался «Комитетом по невмешательству в дела Испании». Ниже я расскажу, как Чемберлен выполнил это обязательство.

МЮНХЕН

Но если Чемберлен не сумел извлечь никакого урока из гибели Австрии, то зато Гитлер оказался гораздо более способным учеником. «Прыжок» на Вену являлся для него важной пробой: нацистский диктатор хотел проверить, как будут реагировать «демократические державы» на его агрессию. Проверка показала, что Англия и Франция не шевельнулись. Не удивительно, что Гитлер истолковал это так: путь свободен! И через два месяца после захвата Австрии открыл новую и еще более серьезную «операцию».

Случилось то, что М. М. Литвинов предрекал в своем интервью 17 марта: гроза нависла над Чехословакией. С мая 1938 г. Гитлер развязал бешеную кампанию против этой страны — не только в печати и по радио: к ее границам начали стягиваться германские войска, а внутри ее судетские нацисты по указке из Берлина стали на путь самых наглых провокаций в отношении чехословацкого правительства. Политическая атмосфера в Чехословакии, в Центральной Европе, в Англии и Франции все больше накалялась. В воздухе запахло порохом. Ведь Франция имела с Чехословакией пакт взаимопомощи и, если бы Германия напала на Чехословакию, Франция обязана была бы выступить на ее защиту. Англия такого формального пакта с Чехословакией не имела, но как близкая союзница Франции она тоже не могла бы остаться в стороне. К августу месяца ситуация стала столь угрожающей, а тревога и волнение французских и английских масс столь сильными, что британское правительство увидело себя вынужденным что-то сделать для разрядки создавшейся напряженности. Что же оно сделало? Ах, это было так в духе Чемберлена!

Вместо того, чтобы твердо заявить, что Англия вместе с Францией не позволят Гитлеру проглотить Чехословакию, и немедленно вступить по этому поводу в переговоры с СССР — а такой шаг еще имел шансы остановить руку агрессора, — правительство Чемберлена решило отправить в Чехословакию миссию во главе с лордом Ренсимоном. Кто такой был лорд Ренсимен? Это был никогда не занимавшийся международными делами престарелый сановник, глухой, малоподвижный и даже голком не знавший, где расположена Чехословакия (я убедился в этом из одного разговора с ним, происходившего летом 1938 г.). Какая цель ставилась перед миссией Ренсимомена? Официально миссия должна была «исследовать» на месте ситуацию и сделать посредническое предложение в целях урегулирования германо-чешского конфликта. Фактически, однако, как показали события, «работа» миссии свелась к прокладыванию пути для расчленения Чехословакии.

Хотя прием, оказанный в Лондоне и Париже советскому демаршу 17 марта 1938 г. в связи с захватом Австрии, отнюдь не располагал к дальнейшим попыткам подобного рода, все-таки Советское правительство в момент грозной опасности для Чехословакии решило еще раз апеллировать к здравому смыслу франко-английских лидеров. Мы думали: «Может быть, горький опыт прошедших с того времени месяцев кое-чему их научил... Может быть, хоть сейчас они готовы будут к более энергичным действиям против агрессоров... Нельзя упускать ни одной, даже самой маленькой возможности для предотвращения катастрофы».

Исходя из таких соображений, М. М. Литвинов 2 сентября 1938 г. заявил французскому поверенному в делах в Москве Пайяру (посол

Нажяр был в отсутствии) и просил его срочно передать французскому правительству, что правительство СССР в случае нападения Германии на Чехословакию исполнит свои обязательства по советско-чехословацкому пакту взаимопомощи 1935 г. и окажет Чехословакии вооруженную помощь. Так как, однако, по условиям этого пакта, обязательство советской помощи входило в силу только в том случае, если одновременно Франция, связанная с Чехословакией также пактом взаимопомощи, выступает с оружием в руках против Германии, то правительство СССР хотело бы знать намерения французского правительства в создавшейся критической ситуации. Со своей стороны, правительство СССР предлагает французскому правительству немедленно устроить совещание представителей советского, французского и чехословацкого генеральных штабов для выработки необходимых мероприятий. Литвинов полагал, что Румыния пропустит через свою территорию советские войска и авиацию, но считал, что в целях воздействия на Румынию в этом смысле было бы очень желательно возможно скорее поставить вопрос об эвентуальной помощи Чехословакии в Лиге наций. Если бы в Совете Лиги за такую помощь высказалось хотя бы большинство (строго по уставу требовалось единогласие), Румыния, несомненно, присоединилась бы к нему и не возражала бы против прохода советских войск через ее земли.

Около того же времени, как впоследствии заявил президент Чехословакии Готвальд, Советское правительство через него довело до сведения Бенеша, что Советский Союз готов оказать Чехословакии вооруженную помощь, даже если Франция этого не сделает⁶.

3 сентября утром я получил из Москвы телеграмму с содержанием заявления М. М. Литвинова Пайяру. В тогдашней обстановке это был документ величайшего политического значения. Важно было, чтобы он стал известен возможно шире, ибо «кливденская клика» в течение всего августа вела кампанию нашептывания в политических кругах, суть которой сводилась к следующему: «Мы бы и рады спасти Чехословакию, но без России это трудно сделать, а Россия молчит и явно уклоняется от выполнения своих обязательств по советско-чехословацкому пакту взаимопомощи».

В тот же день, 3 сентября, я посетил Черчилля в его подгородном имении Чартвелл и подробно рассказал ему о содержании заявления М. М. Литвинова Пайяру. Черчилль сразу же понял его значение и тут же сказал, что немедленно доведет до сведения Галифакса о моем сообщении. Черчилль исполнил свое обещание. Тогда же, 3 сентября, он отправил Галифаксу письмо с подробной передачей демарша Литвинова. Он подтверждает это и в своих военных мемуарах⁷. Не ограничи-

⁶ «За прочный мир, за народную демократию!», 21 декабря 1949 года.

⁷ У. Черчилль пишет:

«2 сентября после обеда я получил срочное сообщение от советского посла, что он хотел бы посетить меня в Чартвелле по не терпящему отлагательства делу... Я принял его, и после нескольких вступительных фраз он рассказал мне в очень точных и ясных выражениях историю, которая изложена ниже. Очень скоро я понял, что Советское правительство предпочло обратиться с этим сообщением ко мне, частному лицу, а не прямо к министру иностранных дел из опасения неприязненной реакции в этом учреждении. Было очевидно, что сообщение сделано мне с тем расчетом, что я доведу о нем до сведения правительства его величества. Посол этого не говорил, но это само собой разумелось, ибо он не просил меня сохранить его информацию в тайне. Так как вопрос, поднятый послом, имел первоклассное значение, я постарался сообщить о нем Галифаксу и Чемберлену в такой форме и таким языком, чтобы избежать какого-либо конфликта между нами».

И дальше Черчилль приводит текстуально свое письмо Галифаксу, в котором очень точно изложено то, что я ему тогда сообщил о разговоре Литвинова с Пайяром (W. Churchill. Указ. соч., стр. 263—265).

Как видно из текста, обстоятельства и мотивы, которые побудили меня обратиться к Черчиллю в данном случае, были несколько иные, чем те, которые он приводит в объяснении моих действий, но самый факт обращения передан правильно. Черчилль также не совсем точен в датах: мой визит к нему состоялся не 2, а 3 сентября.

ваясь разговором с Черчиллем, я встретился также с Ллойд-Джорджем и заместителем лейбористского лидера Артуром Гринвудом и повторил им то, что рассказал Черчиллю.

Мой расчет при этом был такой: три лидера оппозиции, несомненно, будут рассказывать о демарше М. М. Литвинова своим коллегам по партии,— тем более, что, сообщая им о нем, я не просил их держать мои слова в секрете,— и, стало быть, в политических кругах Лондона будут знать о действительной позиции СССР в столь актуальном вопросе; а если бы кто-либо из членов правительства стал клеветать в парламенте на «пассивность» СССР в чехословацком вопросе, со стороны оппозиции мог бы последовать ответ, восстанавливающий истину. В дальнейшем мой расчет полностью оправдался.

Я не сомневался тогда, не сомневаюсь и сейчас, что, если бы французское правительство подхватило протянутую ему 2 сентября советскую руку, если бы Англия и Франция хотя бы в этот поздний час искренне пошли на совместные действия с СССР, Чехословакия была бы спасена, а весь дальнейший ход европейских и мировых событий принял бы иное направление. Однако поступить так означало бы поссориться с Гитлером, поставить крест над планами «западной безопасности», отказаться от надежд столкнуть Германию с СССР... Нет, нет! Ни Чемберлен, ни Даладьё на это не хотели пойти! Они предпочитали носиться со своими нелепо фантастическими химерами, продиктованными классовой ненавистью к стране социализма! Они готовы были ради этого пожертвовать Чехословакией, да и не только Чехословакией.

У. Черчилль в своих военных мемуарах рассказывает, что 5 сентября он получил от Галифакса ответ на свое письмо, о котором речь шла выше, и министр иностранных дел заявлял в нем, что постанова в Лиге наций вопроса о Чехословакии «сейчас будет мало полезной, но что он будет иметь ее в виду»⁸.

Через два дня после ответа Галифакса Черчиллю, 7 сентября, в «Times» появилась пресловутая передовица, в которой давалось понять, что наилучшим выходом из положения была бы передача Чехословакией Германии Судетской области. Английское министерство иностранных дел поспешило заявить, что оно не причастно к названной передовице, но этому никто не поверил.

Помню, 8 сентября, на другой день после зловещего выступления «Times», меня пригласил к себе Галифакс и в ходе разговора, касавшегося различных вопросов, заявил, что британское правительство не имеет никакого отношения к названному выступлению газеты, но я ему тоже не поверил. Конечно, я допускал, что ни министерство иностранных дел, ни все правительство в целом прямо и формально не обращались к «Times» с просьбой напечатать злополучную передовицу. Но разве мало есть у высших властей косвенных и неофициальных путей для того, чтобы увидеть на страницах печати выражение желательных им мнений и взглядов? Так именно обстояло дело и в данном случае. Ибо все содержание и тон передовицы «Times» превосходно отражали дух мыслей и действий «кливденской клики». Какие же основания были у меня верить опровержению Галифакса?

Затем пришли позорные дни Мюнхена. Глава британского правительства, этот «человек с зонтиком», как его окрестили в те дни газетные острословы, при энергичной поддержке Даладьё, опустил до роли какого-то незадачливого политического коммивояжера, который судорожно метался между Гитлером и чехословацким правительством. Даже больше: Чемберлен унижился до того, что превратился в «большую дубинку» нацистского фюрера, все время требуя от Чехословакии капитуляции перед германским агрессором.

⁸ Там же, стр. 266.

Прежде, однако, чем эти усилия завершились окончательным успехом, СССР еще раз сделал попытку спасти положение. В сентябре 1939 г. собралась очередная сессия Лиги наций. В Женеву приехал М. М. Литвинов. Он вызвал меня из Лондона для участия в работах советской делегации. Атмосфера в Женеве была накаленная. В кулуарах Лиги ходили самые тревожные слухи и рассказы. Со дня на день ждали нападения Германии на Чехословакию. Даже мирные швейцарцы производили противоздушные упражнения и устраивали пробные затемнения.

В Женеве мы узнали, что французский министр иностранных дел Бонне, один из злейших врагов СССР, скрыл от большинства членов французского правительства заявление М. М. Литвинова Пайяру. Бонне все время объяснял предательскую линию Франции в отношении Чехословакии «пассивностью России» в чехословацком вопросе, и заявление советского наркома от 2 сентября его совсем не устраивало. Теперь оказывалось, что о готовности Советского правительства выступить на защиту Чехословакии во Франции вообще никто не знает вплоть до членов ее правительства. Надо было во что бы то ни стало показать Франции и всему миру, какова же истинная позиция СССР. Именно поэтому М. М. Литвинов в своем выступлении 21 сентября 1938 г. уже с трибуны Лиги наций открыто повторил то, что за 19 дней перед тем он в дипломатическом порядке сообщил французскому правительству через Пайяра. Интрига Бонне провалилась, и ее разоблачение перед лицом всего мира способствовало укреплению международного авторитета СССР.

Два дня спустя, 23 сентября, британские представители в Женеве Батлер и лорд Де ла Вар пригласили М. М. Литвинова и меня для разговоров о создавшейся ситуации. Англичане хотели знать, как советская сторона представляет себе конкретные шаги, вытекающие из заявления Литвинова, сделанного за два дня перед тем на заседании Лиги наций. В ответ Литвинов предложил созыв немедленного совещания представителей Англии, Франции и СССР в Париже или в каком-либо другом подходящем месте (не в Женеве для выработки мер по защите Чехословакии). Он прибавил, что советско-чехословацкий пакт взаимопомощи будет приведен в действие вне зависимости от того, какую позицию займет Лига наций (такое заявление было сделано чехословацкому правительству за три дня перед тем в ответ на запрос последнего о позиции Советского правительства). Далее Литвинов сообщил, что Советское правительство направило польскому правительству важное предупреждение: если Варшава вздумает напасть на Чехословакию для отторжения от нее Тешенской области (о чем тогда было много разговоров), то СССР будет считать советско-польский пакт о ненападении автоматически расторгнутым.

Батлер и Де ла Вар казались очень заинтересованными заявлениями Литвинова и даже проявили что-то вроде полусимпатии к действиям СССР. Они обещали немедленно сообщить о содержании нашей беседы в Лондон и по получении инструкций оттуда вновь с нами встретиться... Увы! Эта новая встреча так и не состоялась, разумеется, не по нашей вине. Да и как могло быть иначе? Ведь именно в эти последние дни сентября 1938 г. Чемберлен и Даладье при поддержке США завершили свою «операцию предательства» Чехословакии.

28 сентября Литвинов предложил мне немедленно вернуться в Лондон.

— Ваше присутствие там сейчас, — заявил он, — гораздо важнее, чем в Швейцарии.

В тот же вечер я выехал из Женевы. На вокзале была крошечная тьма, так как местные власти в этот день устроили пробное затемнение в городе. Рано утром 28-го я был в Париже. Шел дождь, и знакомые улицы французской столицы были пустыни и унылы. В Лондон я приехал

в тот же день около четырех часов и прямо с вокзала отправился в парламент, где как раз в это время происходило важное заседание. Я попал к самому драматическому моменту.

Как известно, первое паломничество Чемберлена к Гитлеру состоялось 15 сентября. Гитлер принял британского премьера в Берхтесгадене и выдвинул свои требования к Чехословакии, угрожая в случае отказа последней применить силу. Чемберлен вернулся в Лондон. Состоялось экстренное совещание англо-французских министров, которое приняло требования Гитлера. 19 сентября под нажимом из Лондона и Парижа чехословацкое правительство также приняло эти требования⁹. Тогда Чемберлен вторично полетел на свидание с Гитлером. Оно состоялось 22—23 сентября в Годесберге. Чемберлен рассчитывал, что, положив на стол согласие Чехословакии, он заслужит одобрение фюрера, но жестоко ошибся. Увидев в Берхтесгадене, что перед ним не стальной рыцарь, а «человек с зонтиком», Гитлер решил, что нечего стесняться. На втором свидании с Чемберленом в Годесберге он выдвинул новые требования, гораздо более жесткие, чем в Берхтесгадене. Британский премьер был сильно обескуражен, но все-таки взялся «убедить» Чехословакию еще раз уступить. Он снова вернулся в Лондон и вместе с Даладье попытался вторично оказать давление на Прагу. Но тут у него вышла осечка: чехословацкое правительство под давлением масс отвергло «годесбергскую программу» Гитлера. В данном решении чехословаков сыграло свою роль полученное за несколько дней перед тем заверение советской стороны о ее готовности оказать Чехословакии помощь при всяких условиях, даже в случае предательства со стороны Франции. Гитлер был взбешен и 26 сентября объявил, что, если до 14 часов 29 сентября Чехословакия не капитулирует, он открывает военные действия. Чемберлен и Даладье пришли в панику, и британский премьер обратился к Гитлеру и Муссолини с покорнейшей просьбой устроить свидание «четырех» для окончательного решения чехословацкого вопроса. Одновременно в целях создания соответственных настроений среди широких масс населения французское правительство издало приказ о призыве нескольких возрастов резервистов, а британское правительство мобилизовало флот и приняло некоторые меры противовоздушной обороны. Все в страшном напряжении ожидали: согласится Гитлер на новую встречу или нет?

Когда 28 сентября я сел на свое место в парламентской галерее для послов, Чемберлен, весь какой-то встрепанный и возбужденный, стоял впереди правительственной скамьи и нервно махал правой рукой, показывая всем зажатый между пальцами листок белой бумаги. Это было письмо Гитлера, только что, во время заседания, полученное в ответ на слезницу Чемберлена о встрече «четырех». Гитлер соглашался на такое совещание. Чемберлен не скрывал своего восторга. Огромное большинство консерваторов устроило ему настоящую овацию. Лейбористы и либералы были более сдержанны, но тоже не скрывали своей радости. В такой обстановке Чемберлен покинул здание парламента, чтобы сразу же начать свое паломничество в Мюнхен.

На меня вся эта сцена произвела самое гнетущее впечатление. Было такое ощущение, точно видишь, как тяжелый автомобиль, переполненный людьми, катится вниз, по откосу к пропасти, и ты ничего не можешь сделать для того, чтобы его удержать. Сойдя с галереи послов в кулуары парламента, я столкнулся с одним знакомым лейбористом, который, как я видел, аплодировал Чемберлену.

— Чего вы аплодировали? — спросил я его.

⁹ Верхушка чехословацкой буржуазии, в том числе Бенеш и ряд членов правительства, была настроена капитулянтски, что значительно облегчало задачу Чемберлена и Даладье.

— Ну, как же, — откликнулся лейборист, — все-таки Чехословакия уцелеет, да и войны, пожалуй, не будет.

Я ответил:

— Не хочу быть Кассандрой, но попомните меня: Чехословакия погибла, а война стала неизбежной.

Лейборист с изумлением посмотрел на меня.

— Вы это серьезно? — спросил он в недоумении.

— Вполне серьезно... Поживем — увидите.

Дальнейшее известно. 29 и 30 сентября состоялось мюнхенское совещание. Гитлер вел себя крайне нагло. Муссолини его поддерживал. Чемберлен и Даладье извивались, как угри. В итоге за спиной Чехословакии было подписано мюнхенское соглашение, суть которого сводилась к следующему:

Судетская область передавалась Германии со всем находящимся там имуществом, а сверх того Чехословакия должна была удовлетворить территориальные требования к ней со стороны Польши и Венгрии. Остальная Чехословакия, беззащитная и униженная, должна была получить гарантию «большой четверки», гарантию, ценность которой после всего случившегося стояла немногим выше нуля.

Для того, чтобы хоть несколько ослабить гнетущее впечатление, которое на широкую английскую общественность должно было произвести мюнхенское предательство, Чемберлен уговорил Гитлера подписать вместе с ним бумажку о том, что отныне не должно быть войн между Англией и Германией. Никчемную бумажку, годную, как показало дальнейшее, лишь для мусорной корзины!.. Этой бумажкой Чемберлен демонстративно размахивал по возвращении из Мюнхена на лондонском аэродроме, громко провозглашая, что теперь обеспечен «мир в наше время»!..

Министр иностранных дел Галифакс не отставал от своего премьера. Германский посол в Англии Г. Дирксен, записывая свой разговор с ним от 9 августа 1939 г., между прочим, рассказывает:

«В дальнейшем ходе беседы лорд Галифакс сказал мне, что он хочет подробно изложить мне свои мысли и взгляды, которые у него сложились после Мюнхена... После Мюнхена он был убежден, что 50-летний мир во всем мире обеспечен приблизительно на следующей основе: Германия — господствующая держава на континенте с преимущественными правами на юго-востоке Европы, в особенности торгово-политического характера; Англия будет заниматься там торговлей только в скромных масштабах; Англия и Франция, защищенные в Западной Европе от конфликта с Германией двухсторонними линиями укреплений, будут стремиться охранять оборонительными мерами свои владения и развивать их [естественные] ресурсы; дружба с Америкой; дружба с Португалией; Испания — пока что еще неопределенный фактор, который во всяком случае должен по необходимости выпасть на ближайшие годы из всех комбинаций держав¹⁰; Россия — расположенная в стороне, большая и трудно обозримая страна; стремление Англии обеспечить свой путь по Средиземному морю через Аден, Коломбо, Сингапур в доминионы и на Дальний Восток...»¹¹.

Читая эти строки, трудно решить, чего здесь больше — империалистической злостности или феноменальной исторической слепоты. Ясно одно: Галифакс совершенно не понимал того, что происходит в мире. Как характерно, в частности, его замечание: «Россия — расположенная в стороне, большая и трудно обозримая страна». Ничего более членораз-

¹⁰ В Испании тогда (в дни Мюнхена) еще шла война.

¹¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. II. М. 1948, стр. 146—147.

дельного Галифакс не нашелся сказать о народе, населяющем одну шестую мира и ставшем знаменосцем будущего человечества!

Реакция на мюнхенское соглашение в Англии была очень бурная. Широкие массы народа, лучше, чем Галифакс, разбиравшиеся в сути вещей, были возмущены предательством Англии и Франции в отношении Чехословакии и встревожены все больше нарастающей опасностью войны. Более дальновидные круги господствующего класса понимали, в какую пропасть тащит страну ее премьер-министр, и испытывали чувство глубокого унижения от той жалкой роли, которую он сыграл во всей этой трагической истории. Нашелся даже член самого правительства — морской министр Дафф Купер, — который не мог снести происшедшего и 1 октября 1938 г. демонстративно вышел в отставку. Однако «кливденская клика» только плотнее сомкнула свои ряды и сделала попытку свалить ответственность за свое историческое преступление на плечи... Советского Союза! В свете всего рассказанного выше это может показаться фантастической нелепостью, и все-таки это было так.

11 октября 1938 г., через десять дней после мюнхенского предательства, один из членов правительства, лорд Винтертон, произнес на публичном собрании большую речь, в которой объяснил неизбежность уступок Гитлеру со стороны англо-французов... как бы вы думали, чем?.. военной слабостью Советского Союза и его неспособностью и нежеланием ввиду этого выполнить свои обязательства по пакту взаимопомощи с Чехословакией.

Прочитав в газете о выступлении Винтертона, я был глубоко возмущен и, сразу же попросив свидания с Галифаксом, заявил ему протест против клеветнических выдумок Винтертона. Одновременно я дал в печать от имени советского посольства сообщение, в котором говорилось: «Заявление Винтертона совершенно извращает действительную позицию Советского правительства в чехословацком вопросе. Позиция СССР в этом вопросе была четко и определенно, не оставляя места для каких-либо неясностей, сформулирована народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым в Женеве 21-го сентября во время его выступления на пленуме Лиги наций. В своей речи Литвинов, резюмируя свою беседу с французским поверенным в делах в Москве 2 сентября 1938 года, сказал, что СССР намерен выполнить все обязательства, вытекающие из советско-чехословацкого пакта, и совместно с Францией оказать Чехословакии необходимую помощь всеми доступными путями. Литвинов добавил далее, что военное ведомство СССР готово немедленно начать переговоры с представителями генеральных штабов Франции и Чехословакии, чтобы наметить конкретные мероприятия для совместных действий»¹².

Я думал, что на этом дело кончится. Но нет! На следующее утро, 12 октября, я увидел в газетах отчет о новом выступлении Винтертона на публичном собрании, где он еще раз повторил свое лживое утверждение. Это меня окончательно взорвало, и я дал в печать второе, уже более резкое заявление от посольства, в котором говорилось, что бесполезно спорить с человеком, который сознательно закрывает глаза на правду, но что никакое повторение лжи не может превратить ее в истину.

Полемика между советским посольством и членом британского правительства в разгоряченной атмосфере тех дней привлекла всеобщее внимание. В парламенте лейбористами был сделан запрос. Отвечать пришлось самому премьеру. Можно легко понять, как мало это ему улыбалось и как сильно он старался выгородить своего коллегу по правительству. Но все-таки Чемберлен был вынужден дезавуировать Винтертона. Мы могли чувствовать маленькое удовлетворение...

¹² «Правда», 14 октября 1938 года.

Да, маленькое! Ибо то действительно большое, важное, первостепенное, что тогда во весь рост встало перед нами, перед Советским государством и правительством, а именно позиция Англии на международной арене, могло вызывать и, конечно, вызывало у нас лишь глубокую тревогу и возмущение. В Мюнхене сложился пресловутый «пакт четырех», острием своим направленный против СССР, и притом в самом гнусном, отвратительном варианте, — «пакт четырех», в котором полновластными хозяевами были фашистские диктаторы, а представители Англии и Франции трусливо поспешали за ними «петушком, петушком». Как характерно в самом деле было поведение британского правительства в критические дни сентября! Оно ни разу не сделало попытки хотя бы проконсультироваться с правительством СССР по вопросу о Чехословакии и об европейском мире. Все переговоры Чемберлена с Гитлером и Муссолини, все его путешествия на свидания с фашистскими диктаторами, все его соглашения с ними, включая и мюнхенское, — все это было проделано за спиной Советского правительства, даже без уведомления его о происходящем. Единственный раз, когда Галифакс вошел со мной в контакт по поводу разыгравшихся в сентябре месяце событий, был наш разговор с ним 29 сентября, то есть в момент, когда Чемберлен находился в Мюнхене, и судьба Чехословакии уже была решена. Но о чем шла речь в этом разговоре? О позиции Англии в чехословацком вопросе? О перспективах и линиях соглашения с Германией и Италией? Ничего подобного! В беседе 29 сентября Галифакс хотел объяснить мне, почему Англия и Франция пошли на конференцию с фашистскими диктаторами без СССР. Однако оправдания Галифакса были хуже самого сурового обвинения политики Чемберлена. Вот подлинные слова Галифакса из его собственной записи о нашей беседе: «Мы все должны считаться с фактами, и один из этих фактов состоит в том, что, как ему (то есть мне. — И. М.) хорошо известно, главы германского и итальянского правительств в нынешней обстановке не захотели бы сидеть на конференции вместе с Советским правительством. Нам кажется чрезвычайно важным, как я думаю, это важно и для него, чтобы ради избежания войны спорные вопросы так или иначе были переданы на разрешение путем переговоров. Именно данное соображение побудило премьер-министра вчера обратиться к Гитлеру с призывом о созыве конференций, на которую могут быть приглашены и другие, если Гитлер того пожелает»¹³.

Это было настоящее свидетельство о бедности, выданное британскому правительству его министром иностранных дел. В самом деле, как рисовалась Галифаксу сложившаяся ситуация? В центре всего стоит Гитлер. Ему направлена мольба премьера Великобритании об устройстве совещания, от него зависит и состав этого совещания. Сам Чемберлен ничего не может. Он не ставит никаких условий, он даже не высказывает никаких пожеланий. Он просто с благодарностью принимает из рук нацистского диктатора то, что тому заблагорассудится бросить ему со стола. Трудно представить себе картину большего унижения для главы правительства одной из величайших мировых держав, владения которой тогда еще имелись во всех концах земли.

Я не скрыл от Галифакса моих искренних чувств и вполне откровенно высказал, что я думаю о его словах и о политике Чемберлена в международных вопросах. Я особенно подчеркнул, что слабость, проявленная британским правительством в связи с событиями 1938 г., не только не отдаляет, а, наоборот, приближает опасность второй мировой войны. К сожалению, однако, Галифакс «забыл» воспроизвести эти мои возражения в своей записи той беседы. Впрочем, так вообще бывает нередко в английских дипломатических документах.

¹³ «DBFP», Vol. II, pp. 623—626.

Какие выводы я делал, не мог не делать из тяжелого опыта чехословацкой трагедии?

Они были просты, но малоутешительны. Я говорил себе: «Вот как Франция Даладе выполняет свои обязательства по заключенным ею договорам! Вот как Англия Чемберлена соблюдает требования устава Лиги наций! Помни это и не предавайся никаким иллюзиям!»

ЖУЛЬНИЧЕСКИЙ ТРЮК ЧЕМБЕРЛЕНА

В ноябре 1938 г., когда волнение, вызванное Мюнхеном, несколько улеглось, произошло еще одно серьезное событие, которое только подтвердило правильность моего вывода.

Я уже говорил, что 16 апреля 1938 г. Чемберлен и Муссолини подписали договор о дружбе и сотрудничестве, но что, стремясь хоть несколько успокоить английское общественное мнение, Чемберлен дал обещание: договор не будет ратифицирован впредь до вывода из Испании итальянских войск в соответствии с планом «Комитета по невмешательству». Такой план после длинных дискуссий и споров был наконец принят 5 июля 1938 года. По вопросу об эвакуации иностранных комбатантов из Испании он предусматривал, что число эвакуируемых комбатантов со стороны, у которой их имеется меньше, должно составлять 10 тыс., а что та сторона, которая имеет их больше, должна эвакуировать аналогичный процент от общего количества сражающихся на ее стороне иностранцев. Конкретно это означало следующее: на стороне республиканского правительства летом 1938 г. было примерно 12 тыс. бойцов знаменитых интернациональных бригад, стало быть, 10 тыс. иностранных комбатантов на республиканской стороне составляли 80% всего их числа; напротив, на стороне Франко иностранных комбатантов в то время было около 130 тыс. человек, из которых итальянцы составляли не меньше 100 тыс., стало быть, для того, чтобы выполнить условия комитетского плана, Франко должен был отослать домой не меньше 80 тыс. итальянцев. Разумеется, Франко это плохо устраивало, и потому осенью 1938 г. он начал игру в оттяжку. В этом его энергично поддерживали немцы и итальянцы.

В сентябре 1938 г. республиканское правительство, не дожидаясь окончания переговоров «Комитета по невмешательству» о пропорциональной эвакуации иностранных комбатантов с обеих сторон, односторонним актом вообще отказалось от помощи интернациональных бригад, и специальная комиссия Лиги наций по его просьбе посетила республиканскую Испанию и удостоверила точное выполнение республиканцами своего решения. Франко попал в трудное положение и решил сделать «хороший жест». Он заявил, что готов эвакуировать 10 тыс. иностранных комбатантов. Если бы даже все эти 10 тыс. состояли только из итальянцев, они составили бы лишь 10% от общего числа итальянцев, сражавшихся на стороне Франко. А между тем план «Комитета по невмешательству» требовал эвакуации по крайней мере 80%; или 80 тыс., итальянцев. Предложение Франко являлось настоящим жульничеством, и всякому было очевидно, что оно ни в коем случае не является выполнением плана «Комитета». А раз не выполнен этот план, Чемберлен, согласно его же собственному обещанию, сделанному в апреле 1938 г., не имел права ратифицировать англо-итальянский договор.

Но то было еще до Мюнхена. Теперь, после Мюнхена, британский премьер стал «мудрее». Помню, в разговоре с Галифаксом 11 октября я прямо поставил ему вопрос: считает ли британское правительство эвакуацию 10 тыс. итальянцев из Испании достаточной для того, чтобы ратифицировать англо-итальянский договор? Ответ Галифакса был двусмысленный и неясный. Он долго распространялся на тему о том, что к вопросу об эвакуации надо подходить с точки зрения более общих

проблем и в особенности с таким расчетом, чтобы поскорее ликвидировать «испанскую проблему», являющуюся источником «острой международной тревоги». А под конец Галифакс сказал, что «это соображение (то есть скорейшая ликвидация испанской проблемы) много важнее, чем точные цифры эвакуации итальянцев или подданных какой-либо иной державы из Испании»¹⁴.

Все было ясно. Правительство Чемберлена хотело возможно скорее задушить Испанскую республику и потому готово было закрыть глаза на жульничество Франко. Так оно в конце концов и поступило. Вывод 10 тыс. итальянцев (в большинстве больных и раненых) был признан Чемберленом за выполнение плана «Комитета» со стороны Франко, и 16 ноября 1938 г. британское правительство ратифицировало англо-итальянский договор.

Мне еще раз пришлось повторить себе:

«Вот как Англия Чемберлена соблюдает свое слово! Помни это и не предавайся никаким иллюзиям!»

То, что рассказано на предыдущих страницах, имеет не только историческое, но и весьма актуальное значение. Я уже говорил, что Мюнхен является страницей позора и глупости западной дипломатии, вытекшей из ее классовой ненависти к Советскому государству. Эта ненависть настолько ослепляла тогдашних лидеров буржуазии, что они теряли способность посмотреть реальным фактам в лицо и видеть опасности, угрожающие им самим. В 30-х годах эти лидеры рыли яму для СССР, но в конце концов упали в нее сами: Гитлер сначала ударил против Англии и Франции, а уже затем, почти на два года позднее, против СССР.

В наши дни многие, слишком многие лидеры западной буржуазии повторяют своих предшественников 30-х годов. Они так же, как и те, полны классовой ненависти к социалистическим странам, так же ослеплены этой ненавистью до полной потери чувства реальности, так же не видят или не хотят видеть той пропасти, в которую толкает мир их политика. Однако общее мировое соотношение сил сейчас совсем иное, чем было тогда. Сейчас силы мира, возглавляемые СССР и всем социалистическим лагерем, неизмеримо могущественнее, чем были тогда, и потому третья мировая война вовсе не является неизбежностью. Напоминание о Мюнхене, о роковых ошибках Чемберлена и Даладье (представлявших определенные группировки буржуазии), ошибках, которые имели столь трагические последствия, может облегчить прозрение более благоразумным элементам капиталистического мира и тем самым облегчить победу сил мира над силами войны.

¹⁴ «DBFP». Т. III, р. 331.